

УДК 316.624:141.5

Социальное отчуждение как источник аномии**Долгицкий Олег Дмитриевич**

Аспирант,

медицинский психолог,

Нижевартовская психоневрологическая больница,

28615, Российская Федерация, Нижневартовск, ул. Интернациональная, 39-В;

e-mail: counteralex@rambler.ru

Аннотация

В данной статье предлагается новый подход к проблеме аномии, как к феномену, проистекающему из социального отчуждения посредством механизма своего рода «группового отбора». С этой точки зрения аномия представляется феноменом, проистекающий из несоответствий между табу, которые, с одной стороны, декларируются в обществе и на которые, с другой стороны, реально опирается индивид, реализуя свои права, участвуя в производстве, в семейной жизни, осуществляя процесс мышления и используя те или иные способы передачи информации. Причиной данных несоответствий, по нашему мнению, является сохранение воздействия внешних природных факторов на жизнь общества, приводящих к обнищанию сырьевой базы, или культурно-исторический прогресс, приводящий к улучшению средств производства и переоценке сырьевой базы.

Для цитирования в научных исследованиях

Долгицкий О.Д. Социальное отчуждение как источник аномии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 4А. С. 104-119.

Ключевые слова

Аномия, социальное отчуждение, производственные отношения, ценность, продукты труда, блага, смыслы.

Введение

Проблема аномии с позиции современных методологических подходов связана, в первую очередь, с выделением определенных предметных областей ее исследования. В современной историографии принято выделять два направления разработки вопроса о смысле понятия аномии. Первое – в рамках представлений об аномии, фиксируемых термином *anomia* – уходит корнями в античную философию и характеризует состояние индивидуальной депривации индивида от общества. В частности, к этому направлению принадлежит Л. Сроул, распространяющий понятие аномии на сферу человеческой жизни в качестве отображающей психологическое состояние индивидуальной депривации [Феофанов, 1992]. Второе – в рамках представлений об аномии, в которых для ее обозначения используется термин *anomie* – раскрывает состояние общества, охваченного беспорядком, проистекающим из пренебрежения его членов к закону, юридическим нормам.

Потеря смысла в условиях аномии

В начале 20-го века Э. Дюркгейм использовал понятие аномии (*anomie*) для описания состояния общественного беспорядка (безнормности) применительно к большим и малым общностям. В классической работе «Самоубийство. Социологический этюд» Э. Дюркгейм делает вывод, что современное возрастание уровня самоубийств — это патологическое явление, возникшее в результате цивилизационного развития. Он также отмечает, что «рост количества самоубийств в период экономического кризиса можно объяснить ростом безработицы и снижением зарплаты» [Дюркгейм, 1994]. Однако возникает вопрос, почему число самоубийств растет в период экономического расцвета, когда доходы у всех растут. «Оказывается, что в период расцвета общества происходят самоубийства из зависти, когда потенциальному самоубийце кажется, что другие люди богатеют быстрее, чем он». Дюркгейм, вместе с тем, отмечает, что «во время войны число самоубийств сокращается, т. к. общество сплачивается для отпора врагу. В развивающихся странах бедность предохраняет от самоубийств, т. к. «бедность имеет следствием наличие больших семей» [там же].

В. Франкл выделяет наиболее общий мотив суицидов. В своей работе «Человек в поисках смысла» он ссылается на сообщенные ему «интересные статистические данные, полученные при опросе 60 студентов Университета штата Айдахо после попыток самоубийства». «У них (т. е. у покушавшихся на суицид студентов), подробнейшим образом выяснялось все, что связано с мотивом этого поступка, и вот что было обнаружено: 85 процентов из них не видели больше в своей жизни никакого смысла; при этом 93 процента из них были физически и психически

здоровы, жили в хороших материальных условиях и в полном согласии со своей семьей; они активно участвовали в общественной жизни и имели все основания быть довольными своими академическими успехами» [Франкл, 1990]. Данное исследование ясно указывает нам на то, что особенно значимой причиной самоубийств в период резких социально-экономических изменений может выступить отсутствие личностных смыслов.

По нашему мнению, процесс глобализации, происходящий в современном мире, привел к ускорению темпа изменений в характере производственных отношений. В связи с обозначенным, вокруг многих людей не сложились такого рода межличностные отношения, с помощью которых они могли бы овладеть средствами жизнедеятельности, позволяющими постигать суть, значение, смыслы, содержание и способ функционирования окружающих их вещей, созданных цивилизацией. В результате люди, овладевшие актуальными для существующей формации средствами труда и осознавшие их смыслы, перестают взаимодействовать через продукты деятельности (труда) с людьми, которые владеют и пользуются продуктами труда более ранних формаций, носящих при этом смыслы и значения более ранних формаций. Это связано с тем, что применение продуктов труда более поздних формаций, предполагает меньшие трудозатраты на получение благ. При этом наиболее усовершенствованные орудия труда требуют совершенно иных, основанных на новых, ранее не известных понятиях и представлениях, и формах поведения, порой чуждых индивиду, сформировавшемуся в прежних условиях.

С другой стороны, в процессе генеза нового типа средств труда и социальных отношений ранее социально приемлемый тип жизнедеятельности определенных групп людей и, соответственно, сами эти группы вполне естественным образом оказываются чуждыми обществу, т. к. их поведение становится девиантным с позиции новой социальной ситуации. Изменение характера поведения, состоящее в превращении нормы в отклонение от нормы, причиной чего является воздействие внешних факторов, вызывает состояние социальной отчужденности у индивидов, сохраняющих традиционный этос, и, как следствие, обуславливает отсутствие у них навыков эффективного применения предметов как средств жизнедеятельности актуальной социальной формации. Стоит отметить, что к числу данных средств относятся капитал, имущество, образование и отдельные навыки, позволяющие человеку быть востребованным в обществе. Необходимость отдельных лиц обществу выражается посредством желаний окружающих их индивидов в той или иной форме владеть и пользоваться такими же средствами жизнедеятельности, которыми обладают и пользуются данные лица и тем самым быть причастными к их когорте. Если же человек, по каким бы то ни было причинам, оказывается вовсе лишенным возможности и способности овладеть созданными новой

социальной формацией продуктами и объектами или научиться ими пользоваться, то, вследствие этого, состояние его отчужденности от других, более успешных людей, и от общества в целом становится его образом жизни. В результате он оказывается не способным усвоить социально одобряемые модели поведения. Отсутствие у тех или иных индивидов социально приемлемых моделей поведения свидетельствует об их несостоятельности и с их собственной – хотя, чаще всего, неосознаваемой – точки зрения, и, особенно, с точки зрения людей, владеющих моделями поведения в наиболее развитой социальной среде.

Также следует иметь в виду, что вместе с усложнением мира вещей и смыслов, характеризующих эти вещи, усложняются модели поведения, позволяющие налаживать социальное взаимодействие с окружающими людьми по поводу значимых для человеческой жизнедеятельности предметов и явлений, что, в свою очередь, предполагает введение соответствующих табу, жестко регулирующих отношения людей друг с другом в ключевых моментах жизненной практики. Данная мера неминуемо ведет к появлению социального расслоения.

В то же время развитие социальной среды во многом обуславливается рядом природных факторов, в процессе приспособления к которым общество становится устойчивее лишь в результате отказа от старых табу, их пересмотра или принятия новых. Следовательно, устойчивость социальной системы формируется благодаря выбраковыванию неэффективных (девиантных) форм поведения и смыслов, их табуированию и сохранению эффективных форм поведения и их значений, при осуществлении и принятии которых индивид испытывает чувство уважения со стороны окружающих.

Т. Гоббс в «Левиафане» приходит к выводу, что «стоимость, или ценность, человека, подобно всем другим вещам, есть его цена, т. е. она составляет столько, сколько можно дать за пользование его силой, и поэтому является вещью не абсолютной, а зависящей от нужды в нем и оценки другого» [Маслоу, 1999]. «Способный предводитель солдат, – продолжает Гоббс, – имеет большую цену во время войны или в такое время, когда война считается неизбежной, чем в мирное время. Образованный и честный судья имеет большую ценность в мирное время и меньшую – во время войны. И как в отношении других вещей, так и в отношении людей определяет цену не продавец, а покупатель. Пусть люди (как это большинство и делает) ценят самих себя как угодно высоко, их истинная цена не выше той, в которую их оценивают другие» [там же].

Соглашаясь с мыслью Гоббса, есть все основания предполагать, что смыслы, обретаемые индивидом в результате воспитания в семье, обучения, трудовой деятельности в обществе, определяются не только нуждой других людей в продуктах труда, которые способен произвести

индивид, но и стремлением людей к смыслам как таковым. Смыслам ради смыслов. Именно в этом ключе А. Маслоу, раскрывая свое представление об иерархии потребностей человека, утверждает, что «представители разных культур прибегают к разным, порой совершенно противоположным способам удовлетворения одной и той же потребности в самоуважении. В одной культуре для удовлетворения этой потребности человеку нужно стать удачливым охотником, в другой – хорошим врачом, в третьей – отважным воином, в четвертой – быть эмоционально сдержанным человеком и т. д. и т. п.» [Бард, 2004]. Именно наличие у человека стремления к обретению смысла бытия определяет его желание стать именно охотником, или врачом.

В. Франкл говорит о том, что стремление к смыслу является исключительно человеческой мотивацией и обосновывает это следующим образом: «взяв в руки доклад американского Совета по вопросам образования, в котором приведены данные опроса 189733 студентов в 360 университетах. Главный интерес у 73,7 процента опрошенных выражается в цели «прийти к мировоззрению, которое сделало бы жизнь осмысленной». Или возьмем доклад Национального института психического здоровья: из 7948 студентов в 48 вузах наибольшее число (78 процентов) выразили желание «найти в своей жизни смысл» [Франкл, 1990].

Однако, даже обнаружив личностный смысл своего бытия, человек постоянно вынужден сталкиваться с природными катаклизмами, которые способны в корне поменять общественный порядок. Под воздействием данных факторов – негативный характер которых, в первую очередь, выражается в подрыве сырьевой базы, на которой основывается способ производства в данном конкретном обществе – состояние социальных институтов общества становится нестабильным. В связи с этим общественные институты не могут продолжить свое существование в неизменной форме, так как, если бы в новых условиях люди действовали по-старому, они были бы вынуждены прикладывать значительно больше труда для получения благ, удовлетворяющих нужды членов этого общества, нежели трудясь по-новому – средствами и способами, адекватными новым условиям, обретая через этот процесс новые смыслы бытия.

Обратная ситуация может произойти при изменении способа производства как результата культурно-исторического развития общества. Новые, более усовершенствованные способы производства, основанные на использовании более развитых, усложненных средств труда, требуют приложения значительно меньших усилий, для получения того же, что и прежде, количества благ. В результате этого происходит переоценка имеющихся в распоряжении общества сырьевых ресурсов и изменение существующего отношения к природным объектам как предметам производства, что отражается на характере жизнедеятельности не только внутри данного общества, но и на характере его политических, идеологических, морально-этических

отношений с соседями.

Итак, в периоды так называемого «быстрого роста и социальных перемен» [Дюркгейм, 1994], возникающих в результате прогрессивного сдвига в средствах производства общество перестает быть заинтересовано в одних людях и начинает крайне нуждаться в других. В связи с чем, люди могут лишаться смысла своего существования.

Низкая степень заинтересованности общества в некоторых индивидах определяется возникшей в результате названных изменений разницей между ценой, которую общество готово реально предложить за их труд, и той ценой, которую индивид предполагает получить за свою работу. При этом нужно понимать, что речь идет о существенной разнице, т. к. именно наличие значительной разницы между получаемой и ожидаемой оценкой труда – естественно, не в пользу ожидаемой – приводит к обесмысливанию осуществляемого труда. В случае возникновения этой разницы, характер поведения индивида становится девиантным и в обществе начинает проявляться аномия.

Слабая заинтересованность общества в определенных индивидах обуславливается отсталостью их производственных навыков, сформированных более ранней системой производственных отношений, которая ранее позволяла производить такой объем продуктов деятельности (прежде всего, это касается трудовой деятельности), который необходим для воспроизводства жизненных сил индивидов в социальной системе. В современной социальной системе индивиды с отсталыми навыками труда вынуждены вступать в производственные отношения, в рамках которых они эксплуатируются, а их потребности должным образом не удовлетворяются.

Потеря смысла в условиях рыночной экономики

Нельзя не догадаться, что в основе данного процесса кроется принцип «невидимой руки (рынка)», по выражению Адама Смита, утверждающего, «что каждый индивидуум, преследуя лишь свои эгоистические цели, как бы направляется невидимой рукой провидения в интересах достижения наибольшего блага для всех» [Гуляев, 2012]. Другими словами, человек следует тем смыслам, которые дает ему общество. «Невидимая рука», коль скоро она является рукой капиталистического производства, направляет течение дел вовсе не столько к всеобщему благу, сколько – во все большей мере – к несчастью многих. Это обусловлено тем, что в условиях капиталистического производства рыночные механизмы регулируются смыслами тех людей, которые способны выражать свои желания с помощью имеющихся у них благ, к которым, в первую очередь, можно отнести деньги. Таким образом, собственники капиталов включают индивидов в невыгодные для них эксплуататорские производственные отношения, в рамках

которых последние не могут полноценно удовлетворять свои нужды и потребности. Но при этом многим из эксплуатируемых индивидов вовсе начинает не хватать средств на обеспечение своего бытия в новых производственных отношениях.

Наше предположение можно конкретизировать и подтвердить, обратившись к одному из исследований в предметной области так называемой нейроэкономики. Предметом этого новейшего междисциплинарного направления научных исследований, синтезирующего экономические, биологические и психологические подходы, является изучение психосоматических механизмов, способов выбора и психобиологической фиксации экономических решений и предпочтений (рисунок 1). В том конкретном исследовании, на которое мы хотели бы сослаться, в указанном ключе изучаются функции орбито-фронтальной коры головного мозга, в которой фиксируется ценность объектов среды, а также изучается роль дофамина в качестве гормона, кодирующего ценность объектов среды, и показывается участие префронтальной зоны коры головного мозга в формировании устойчивых личных ценностей.

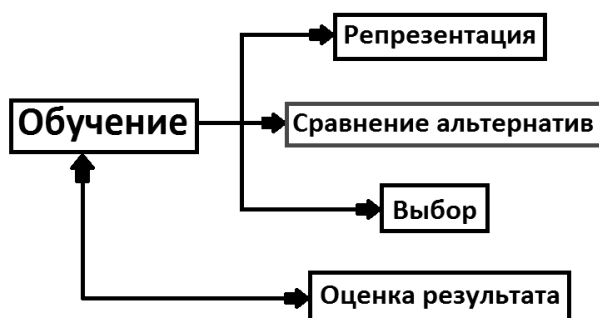

Рисунок 1 - Схема принятия решений в нейроэкономике [Франкл, 1990]

Представленная выше схема иллюстрирует процесс принятия решений. В поведении реализация данной схемы возникает при возникновении проблемы, которую экономисты называют *репрезентацией*. Это первый этап реализации схемы. Затем осуществляется *сравнение альтернатив*, т. е. то, насколько они привлекательны. Затем осуществляется *выбор*, после чего происходит *оценка результата*, т. к. решение может быть неверным. В таком случае происходит *обучение* на прошлом опыте, и далее схема реализуется как новый цикл.

Данная схема способна проиллюстрировать то обстоятельство, что при выполнении поведенческого акта индивид, будучи включенным в невыгодные для него производственные отношения, выполняет деятельность, которая является результативной и успешной для

капиталиста и безрезультатной и неуспешной для самого индивида. В результате чего у индивида возникает внутреннее противоречие как результат несоответствия системы ценностей индивида и системы ценностей, предполагаемых данным типом производственных отношений, в которые он включен. Длительное напряжение индивида приводит к возникновению его дезадаптации, которая проявляется на трех уровнях: физиологическом, психологическом и социальном.

Дезадаптация на *физиологическом* уровне означает неспособность организма человека поддерживать свои жизненные показатели в пределах, необходимых для нормальной жизнедеятельности и выражается в неудовлетворенности физиологических нужд. Неудовлетворенность нужд, в свою очередь, выражается в объективном нарушении гомеостаза, а также в субъективном ощущении недостатка: воздуха, тепла, воды, сна, пищи или секса. Конкретнее говоря, это состояние возникает в результате того, что индивид вынужден осуществлять большой объем трудовых усилий за вознаграждение, которого окажется недостаточно для удовлетворения его нужд. Когда нужды не удовлетворяются на протяжении долгого времени, индивид дезадаптируется. Дезадаптация, далее, приводит к возникновению девиантного поведения.

Эту ситуацию можно пояснить, проведя мысленный психологический эксперимент. Представим человека, находящегося в закрытом на ключ помещении без еды, воды и необходимого тепла. Он имеет инструкцию, которая содержит требование открыть дверь, воспользовавшись спрятанным в помещении ключом. Причем ключ находится в таком месте, в котором он оказывается физически недостижимым. В такой ситуации испытуемый индивид поставлен в заведомо невыгодные для него условия. Подумаем над тем, что все-таки предпримет индивид в такой ситуации. Очевидно, что рано или поздно он, испытывая голод, жажду и холод, решит покинуть опасное для жизни помещение, разрушив дверь или окно. Разрушение двери или окна в смоделированной ситуации следует расценивать как девиантное поведение или как, с точки зрения Р. Мертона, мятеж [Rangel, Camerer, Montague, 2008, 307], поскольку испытуемый нарушает инструкцию.

В то же время, если индивид решит, несмотря на, казалось бы, невыполнимость инструкции, продолжать следование ей, его поведение примет ритуалистический характер [Мертон, 1966]. Если поиск ключа затянется, ритуалистический характер поведения индивида сменится на ретритический. Данный тип поведения вызывается отсутствием возможности найти выход из ситуации в связи с тем, что со временем состояние гомеостаза человека будет нарушаться неудовлетворенностью нужд. Не получая вознаграждения за проделываемый труд, человек в состоянии дезадаптации и нарушенного гомеостаза, находясь в заведомо невыгодных для него

условиях, впадает в состояние депрессии [De Kloet, Joels, Holsboer, 2005]. Физиологическая дезадаптация является особенно угрожающей опасностью для индивидов, не способных к инновационному поведению [Мертон, 1966]. Так, в нашем примере испытуемый мог бы проявить смекалку, использовав для открытия двери вместо ключа какой-то другой найденный в запертой комнате предмет в функции отмычки.

Механизмы *психологической* и *социальной* дезадаптации намного более сложны, чем механизм физиологической дезадаптации. Их природа, по нашему мнению, кроется в диспропорции между уровнем развития психических функций субъекта, позволяющих осваивать смысловое значение правовых отношений в обществе, способы производства, организации семьи, передачи информации, типа мышления и др., и уровнем развития социальных институтов государства, семьи, производства, образования, религии и т. д.

Социальное отчуждение, как источник аномии

В данном контексте, аномия раскрывается перед нами в совершенно новом значении. На протяжении XX века было предпринято большое число попыток, направленных на поиск источников аномии в зависимости от того, какому субъекту она атрибутировалась: либо индивиду, либо обществу. Наша позиция основана на том, что субъектом, переживающим состояние аномии, является не отдельно индивид или отдельно общество, а в целом индивидуально-человеческое сообщество, включающее оба измерения: и индивидуальное, и коллективное. Источником аномии с этой позиции является диспропорция между тем количеством труда, который индивид реально затрачивает на получение благ, и тем, какое количество труда общество полагает в качестве нормы, необходимой для приобретения определенных благ. В случае возникновения данной диспропорции происходит обесмысливание существования индивидов, т. е. фактически аномия является результатом рассогласования представлений индивида о ценности благ и цены благ в обществе; рассогласования, проистекающего из разных уровней культурно-исторического развития индивида, с одной стороны, и производственных отношений внутри общества – с другой. Аномию как феномен, имеющий источником указанное рассогласование, можно объяснить, как своего рода эффект «группового отбора», в процессе которого выживают индивиды, осознающие смысл своего существования.

Причины для возникновения данной диспропорции, ведущей к «групповому отбору», могут быть различными. В случае отдельного индивида такой причиной может быть элементарная неразвитость психического склада личности вследствие отсталости социокультурных условий ее онтогенеза. Л.С. Выготский указывает на существование явления «ребенка-примитива» –

ребенка, онтогенез психики которого происходил вне воздействия культурного контекста или остановился на относительно низкой ступени культурного развития. Выготский подчеркивает: «Детская примитивность, т. е. задержка в культурном развитии ребенка, бывает связана большей частью с тем, что он по каким-либо внешним или внутренним причинам не овладел культурными средствами поведения, чаще всего – языком» [Выготский, 1991]. Психическая неразвитость или слаборазвитость с очевидностью ведет к тому, что индивид, не располагающий мотивами и средствами для исправления такого личностного недостатка, попросту не сможет овладеть передовыми производственными взаимоотношениями и, в итоге, окажется в состоянии социальной отчужденности и бессмысленности своего существования. С другой стороны, возможно опережающее производственные отношения интеллектуальное и в целом психическое развитие тех или иных индивидов, которое принято называть гениальностью, талантом или одаренностью.

Разумеется, если бы общество и его государственные институты были стабильны и устойчивы, то и развитие взаимоотношений индивидов происходило бы плавно и равномерно. Однако, как мы уже отмечали, общественное развитие дестабилизируется как в известном смысле внешними для него – экологическими, климатическими и межцивилизационными факторами, так и рассогласованиями внутренних – политических, экономических и культурных факторов, происходящими в результате не только регрессивных, но и прогрессивных сдвигов в общественной жизни. Дестабилизация общества и государственных институтов является поводом для того, чтобы в целях преодоления нестабильности усиливался общественный и государственный контроль над поведением людей. Но, чем сильнее оказывается контроль над поведением людей в меняющихся условиях, тем большее их число испытывает состояние отчуждения от производственных отношений, складывающихся по поводу благ, соответствующих передовому способу производства и являющихся его продуктом. Это происходит в силу того, что пользование продуктами передового способа производства и их потребление не укладывается в рамки традиционных табу и не может разворачиваться в соответствии с личностными смыслами индивидов. В результате чего, по нашему мнению, возникает отчуждение индивида.

К. Маркс выделяет четыре типа отчуждения человека: от процесса труда, от продукта труда, от своей собственной сущности и от других людей. Раскрывая содержание этих типов отчуждения, он указывает на то, что человек в результате отчуждения становится винтиком механизма, которому не принадлежит его собственный труд [Маркс, 1859]. Мы считаем, что каждый тип отчуждения, выделенный К. Марксом, формируется в результате отсутствия личностного смысла у рабочего в процессе производства. В результате их отсутствия, поведение

граждан внутри общества начинает носить девиантный характер и приводит к формированию аномии.

Обобщая имеющиеся в научной литературе подходы, следует, на наш взгляд, выделить пять критических периодов в истории человечества, в ходе которых происходили масштабные изменения производственных отношений. К числу этих периодов относятся: революция позднего палеолита, осевое время (по К. Ясперсу), эпоха Возрождения, первая и вторая промышленные революции и «цифровая революция» в средствах информации и коммуникации.

Каждая из выделенных эпох ознаменовывалась сменой типов мышления, способов организации семьи, появлением новых средств труда, изменением системы и характера прав индивидов и способов передачи информации, которые определяли личностные смыслы людей в обществе.

Ниже, в таблице 1, представлены факторы, определяющие личностные смыслы человека в различных эпохах.

Таблица 1 - Факторы, определяющие личностные смыслы человека, в различные культурно-исторические эпохи

Культурно-исторические периоды, связанные с глобальными изменениями	Средства труда	Способ организации семьи	Способ передачи информации	Тип мышления	Строй общества
«Цифровая революция» в средствах информации и коммуникации	Роботы	??????	Интернет	Техно-научно ориентированный	??????
Первая и вторая промышленные революции	Машины	Неоэгалитарный индивидуальный брак.	СМИ	Научно ориентированный	Конституционный
Эпоха Возрождения	Станки	Патриархальный индивидуальный брак	Печать	Неортодоксально религиозный	Феодальный
Осевое время	Железные орудия труда	Эгалитарно-индивидуальный брак	Письменность	Религиозный	Рабовладельческий
Неолитическая революция	Каменные орудия труда	Дуально-родовой групповой брак	Общение	Магическое	Общественно-племенной

Согласно К. Марксу, «в общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается

юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» [там же]. Стадиальный тип производительных сил как совокупности средств производства и людей, занятых в этом производстве, определяется уровнем развития средств труда, который, в свою очередь, определяет необходимое общественное время, затрачиваемое на получение продукта труда. Человек может включиться в этот процесс благодаря институтам семьи и образования, которые позволяют ему освоить смыслы, связанные с его бытием в этом процессе. Осваивая смыслы, человек тем самым включается в процесс группового отбора, который, по мнению Ю.И. Семенова, был фактором «всецело подчиненным производственной деятельности и выполняющим ее заказы. Направление его действия всецело определялось потребностями развития производственной деятельности» [Семенов, 1974]. По нашему мнению, в данном процессе через производственную деятельность осуществлялся поиск смыслов и значений окружающих предметов и явлений, который приводил к изменению затрат общественно-полезного времени, необходимого для обеспечения нужд индивидов в обществе. Изменение объема свободного времени, затрачиваемого на формирование общественного уклада вокруг сложившегося способа производства, приводило к социальным изменениям социально-политической надстройки. По нашему мнению, данные изменения приводят к диспропорции между тем количеством труда, который индивид реально затрачивает на получение благ, и тем, какое количество труда общество полагает в качестве нормы, необходимой для приобретения определенных благ.

Ю.И. Семенов приводит пример того, как в период неолитической революции «периоды, свободные от действия половых табу, становились все более редкими и все менее продолжительными, интенсивность половой жизни коллектива непрерывно возрастала, что делало весьма затруднительным одновременное осуществление хозяйственной деятельности. Это привело к тому, что остававшиеся аномными периоды превратились в своеобразные праздники, характерной чертой которых было бурное, ничем не ограниченное общение полов – настоящие оргии. Более или менее отдаленные пережитки этих оргиастических праздников зафиксированы почти у всех народов мира» [там же]. Это говорит о том, что аномия в данный период была вполне естественным явлением, вызванным изменением объема общественно необходимого рабочего времени, затрачиваемого на производство. Поскольку вслед за изменением производственных отношений менялись отношения внутри семьи, что влекло за собой изменение характера прав индивидов, типов мышления и способов передачи информации.

Другой стороной данного процесса становится возникновение предпосылок появления человека, способного самостоятельно распределять свое время в соответствии с собственными

смыслами благодаря тому, что ему требуется затрачивать минимальный объем времени и труда на обеспечение собственных нужд. Однако самостоятельный человек не «выгоден» классовому обществу и его государству, т. к. он не может быть подвергнут эксплуатации.

Заключение

В заключение отметим, что обретение людьми свободы и самостоятельности является ключевой практической задачей при решении проблемы аномии. Решение этой задачи включает в себя создание условий овладения индивидами передовыми средствами производства, способами организации семьи, типами мышления, способами передачи информации и правами. Ибо свободные люди перед лицом воздействия дестабилизирующих общественную жизнь факторов способны самостоятельно обеспечивать свою безопасность и безопасность общества. Разумеется, в периоды острых социальных кризисов, обусловленных воздействием условий среды, индивиды, которые по тем или иным причинам не смогли обрести свободу и самостоятельность, будут вновь и вновь вынуждены отдавать свои права в пользу других людей, технически адекватных требованиям данной культурно-исторической эпохи.

Библиография

1. Бард А. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.
2. Выготский Л.С. Проблема культурного развития ребенка (1928) // Вестн. Московского университета. Сер. 14, Психология. 1991. № 4. С. 5-18.
3. Гоббс Т. Левиафан. Серия: Из классического наследия. М.: Мысль, 2001. 480 с.
4. Гуляев Г.Ю. Эволюция теории конкуренции // Известия Педагогического института им. В.Г. Белинского. 2012. № 28. С. 317-321.
5. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.
6. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Издательство Академический Проект, 2010. 784 с.
7. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., 2-е изд. 1859. Т. 13. С. 6-7.
8. Маслоу А.Х. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 214 с.
9. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Вольфганг М. Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966. С. 299-313.
10. Семенов Е.Ю. Происхождение брака. М.: Издательство Мысль, 1974. 308 с.
11. Феофанов К.А. Социальная аномия: обзор подходов в американской социологии //

Социологические исследования. 1992. № 5. С. 88-92.

12. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
13. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Аст, 2011. 288 с.
14. De Kloet R.E., Joels M., Holsboer F. Stress and the brain: from adaptation to disease // *Nature Reviews Neuroscience*. 2005. № 6. Pp. 463-475.
15. Glenn W., Lifestyle D. *Lifestyle Theory: Past, Present and Future*. N.Y.: Nova, 2006. 78 p.
16. Rangel A., Camerer C., Montague P.R. A framework for studying the neurobiology of value-based decision making // *Nature reviews*. 2008. Vol. 9. № 7. P. 545.
17. Zhao R., Cao L. Social change and anomie: A Cross-National Study // *Social force*. 2010. Vol. 88. № 3. Pp. 1209-1229.

Social exclusion as a source of anomie

Oleg D. Dolgitskii

Postgraduate,

Medical psychologist,

Nizhnevartovsk Psychoneurological Hospital,

628615, 39-V Internatsional'naya st., Nizhnevartovsk, Russian Federation;

e-mail: counteralex@rambler.ru

Abstract

In this article, the author proposes a new approach to the problem of anomie: approach it as a phenomenon arising from social exclusion, through the mechanism of a kind of "group selection". From this perspective, anomie seems phenomenon stemming from inconsistencies between the taboo, which, on the one hand, declared in society and which, on the other hand, the individual is actually based, exercising their rights by participating in the production, in family life, carrying out the process of thinking and using these or other ways of transmitting information. The reason for these discrepancies, in our opinion, is to keep the impact of external environmental factors in the life of society, leading to the impoverishment of the resource base, or cultural-historical progress, which leads to an improvement in the means of production and revaluation of raw materials. In the conclusion, the author summarizes that the acquisition of freedom and independence by people is a key practical task in solving the problem of anomie. The solution of this task includes creating conditions for the mastery of individuals by advanced means of production, methods of family organization, types of thinking, ways of transferring information and rights.

For citation

Dolgitskii O.D. (2017) Sotsial'noe otchuzhdenie kak istochnik anomii [Social exclusion as a source of anomie]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6(4A), pp. 104-119.

Keywords

Anomie, relations of production value, alienation, products of labor, good, meaning's.

References

1. Bard A. (2004) *Netokratiya. Novaya pravyashchaya elita i zhizn' posle kapitalizma* [Netocracy. New ruling elite and life after capitalism]. St. Petersburg: Stockholm School of Economics in Russia Publ.
 2. De Kloet R.E., Joels M., Holsboer F. (2005) Stress and the brain: from adaptation to disease. *Nature Reviews Neuroscience*, 6, pp. 463-475.
 3. Dyurkgeim E. (1994) *Samoubiistvo: Sotsiologicheskii etyud* [Suicide: a study in sociology]. Moscow: Mysl' Publ.
 4. Feofanov K.A. (1992) Sotsial'naya anomiya: obzor podkhodov v amerikanskoj sotsiologii [Social Anomie: A Review of Approaches in American Sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 5, pp. 88-92.
 5. Frankl V.E. ...*troutdem Ja zum Leben sagen: Ein Psychologe erlebt das Konzentrationslager*. Wien: Verlag für Jugend und Volk, 1946. (Russ. ed.: Frankl V. (1990) *Chelovek v poiskakh smysla*. Moscow: Progress Publ.).
 6. Fromm E. (1994) *Escape from freedom*. N.Y.: Holt Paperbacks, Owl Book. (Russ. ed.: Fromm E. (2016) *Begstvo ot svobody*. Moscow: AST Publ.).
 7. Glenn W., Lifestyle D. (2006) *Lifestyle Theory: Past, Present and Future*. N.Y.: Nova.
 8. Gobbs T. (2001) *Leviafan. Seriya: Iz klassicheskogo naslediya* [Leviathan. Series: From the classical heritage]. Moscow: Mysl' Publ.
 9. Gulyaev G.Yu. (2012) Evolyutsiya teorii konkurentsii [Evolution of the theory of competition]. *Izvestiya Pedagogicheskogo instituta im. V.G. Belinskogo* [Proceedings of the Pedagogical Institute named after Belinsky], 28, pp. 317-321.
 10. Marks K. (1859) K kritike politicheskoi ekonomii. Predislovie [To the criticism of political economy. Foreword]. Marks K., Engel's F. *Sobr. soch., 2-e izd.* [Compositions: 2nd ed.], 13, pp. 6-7.
 11. Marks K. (2010) *Ekonomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 goda i drugie rannie filosofskie raboty* [Economical-philosophical manuscripts of 1844 and other early philosophical works]. Moscow: Izdatel'stvo Akademicheskii Proekt Publ.
-

12. Maslow A.H. (1879) A theory of human motivation. Rough Draft Printing. (Russ. ed.: Maslow A.Kh. (1999) *Motivatsiya i lichnost'*. St. Petersburg: Evraziya Publ.).
13. Merton R.K. (1966) Sotsial'naya struktura i anomiya [Social structure and anomie]. Vol'fgang M. *Sotsiologiya prestupnosti (Sovremennye burzhuaznye teorii)* [Sociology criminal-STI (Modern bourgeois theory)]. Moscow: Progress Publ., pp. 299-313.
14. Rangel A., Camerer C., Montague P.R. (2008) A framework for studying the neurobiology of value-based decision making. *Nature reviews*, 9 (7), p. 545.
15. Semenov E.Yu. (1974) *Proiskhozhdenie braka* [The origin of marriage]. Moscow: Mysl' Publ.
16. Vygotskii L.S. (1991) Problema kul'turnogo razvitiya rebenka (1928) [The problem of the cultural development of the child (1928)]. *Vestn. Moskovskogo universiteta. Ser. 14, Psikhologiya* [Bulletin of Moscow State University. Series 14: Psychology], 4, pp. 5-18.
17. Zhao R., Cao L. (2010) Social change and anomie: A Cross-National Study. *Social force*, 88 (3), pp. 1209-1229.